

УДК 94(571).084.8

О.Н. КАЛИНИНА

**ЛЬГОТЫ И ПРИВИЛЕГИИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОЗДНЕСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД (1946–1953 гг.)**

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: kalinka77@inbox.ru

Автор статьи выявляет основные тенденции в развитии системы льгот и привилегий советской номенклатуры в позднесталинский период. Сделан вывод о дальнейшем социальном расслоении номенклатуры в зависимости от должностного ранга и отраслевой принадлежности номенклатурного работника.

Ключевые слова: Сибирь, власть, политическая система, номенклатура, льготы и привилегии, спецнабжение.

Изучение материально-бытового обеспечения номенклатуры как своеобразного показателя ее социального статуса в советском обществе является динамично развивающимся направлением новейшей отечественной историографии. В количественном отношении преобладают публикации, в которых исследуется становление системы номенклатурного

обеспечения в 1920–1930-е гг. Так, на источниках 1920–1930-х гг. материальное положение номенклатуры изучали Е.Г. Гимпельсон, Г.Л. Олех, Е.А. Осокина, В.П. Пашин, Ю.П. Свириденко [1; 2; 3; 4]. И лишь небольшое число исследователей, что отчасти связано с проблемами доступа к архивным документам, сконцентрировали свое внимание на изучении данной

проблемы в более поздние периоды отечественной истории. В большей степени эволюция номенклатурной социальной политики в исследуемый период отражена в региональной историографии [5; 6].

Особенностью системы льгот и привилегий советской номенклатуры является стирание границ между самими понятиями «льгота» и «привилегия»¹, поскольку все постановления и решения, касающиеся этой сферы, носили закрытый, секретный и полулегальный характер. Основная причина данного явления коренится в советской политической системе. Можно согласиться с мнением В.П. Пашина и Ю.П. Свириденко, что «система привилегий начала формироваться сразу же после революции, путем присвоения верхушкой партии права на законодательную деятельность, неподконтрольную государству, где сама власть одновременно являлась и привилегией, и непосредственным источником этих привилегий» [4, с. 7].

Система льгот и привилегий номенклатуры формировалась постепенно и к середине 1940-х гг. уже носила ярко выраженный иерархичный характер. Тенденция в ее развитии можно рассмотреть на примере функционирования спецснабжения, временных денежных довольствий и других форм обеспечения номенклатуры. Основными источниками информации стали документы финансово-хозяйственных секторов партийных органов в регионах Западной Сибири, письма и просьбы, записки первых секретарей обкомов в Управление делами (УД) ЦК ВКП(б), письма и циркуляры УД ЦК партии, отправленные в крайкомы и обкомы партии.

В послевоенный период основной составляющей денежных доходов номенклатуры оставалась заработная плата. Так, в 1945 г. самые высокие оклады получали руководящие работники регионального уровня. Оклад первого секретаря обкома партии и председателя облисполкома составлял 2000 руб., секретарей и заведующих отделами обкома, заместителя председателя облисполкома – 1800–1300, заведующего сектором, лекторов, инструкторов – 950. В это же время городские и районные партийные и советские работники получали на 30–50 % меньше. Оклад первого секретаря горкома ВКП(б) составлял 1500 руб., секретаря – 1300, заведующего отделом – 1200, заместителя заведующего отделом 750–1200, лектора и заведующего сектором – 700 руб. Причем уровень заработной платы советских работников был ниже партийных. Оклад первого секретаря горисполкома составлял 1300 руб., заместителя председателя – 1000, секретаря – 900, заведующего отделом – 500–900, заведующего сектором – 450 руб. Самая низкая зарплата была у работников сельских райкомов и райисполкомов – 1300–1000 руб. у первого

секретаря райкома, у заведующего отделом в райкоме – 800–600 руб.²

С целью нивелировать диспропорции в заработной плате и улучшить материальное положение отдельных работников руководством на местах довольно часто использовался механизм получения средств, предусматривавшихся на нужды социально-бытового обеспечения партаппарата. Так, по сметам обкомов полагалось выделять по 105 руб. в месяц на каждого ответственного работника, а по местному бюджету и по смете облисполкома оплачивались расходы за завтраки, обеды и ужины, отпуск папирос и т. д.³ В итоге во многих регионах отмечался перерасход средств, выделяемых по этому каналу. В письме секретарю Омского обкома партии Н.В. Киселеву от управляющего делами ЦК ВКП(б) Д.В. Крупина от 29 января 1949 г. сообщалось, что ревизиями установлены существенные недостатки в финансово-бюджетной работе райкомов, особенно в расходовании средств секретарями райкомов. Только за 10 мес. 1948 г. перерасход составил 22 400 руб. Указывалось, что в райкомах партии практиковалась выдача авансов без всякой необходимости и без соблюдения отчетности, выплачивались суточные работникам из средств, выделенных на проведение райпартконференций, необоснованно выдавались выходные пособия слушателям партшкол и т. д.⁴

Официально управленческий аппарат не должен был снабжаться лучше передовых рабочих и квалифицированных специалистов, на практике же получалось иначе. Уровень снабжения конкретного номенклатурного работника зависел от его должностного ранга в номенклатурной иерархии, причислявшего работника к той или иной категории снабжения. Различные привилегии номенклатуры закрепились еще в военные годы по мере развития карточной системы в стране. Это и второе горячее питание, обеды для руководящих работников по постановлению СНК СССР от 17 сентября 1942 г., литературные обеды (категорий «А», «Б» и «В») и сухие пайки по постановлению СНК СССР от 27 февраля 1943 г., усиленное диетическое питание, карточки на ужины и пр. С 1 февраля 1944 г. для руководящих партийных работников вводились бесплатные завтраки, а по распоряжению СНК СССР от 27 февраля 1946 г. были введены карточки дополнительного горячего питания (литер «Б»)⁵.

Всего существовало четыре группы карточек: для рабочих, служащих, иждивенцев и детей до 12 лет. Данные категории населения находились в привилегированном положении по отношению к колхозникам, которые не были включены в созданную государством систему гарантированного обеспечения продовольствием. Для номенклатуры были установлены три категории карточек. Первую получали секретари обкомов и горкомов, заведующие отделами обкомов и облисполкомов и их заместители, вторую – заведующие

¹ Понятие «льготы» обусловлено наличием правовой нормы. «Льгота» всегда подробно регламентируется в нормативных документах и имеет конкретное выражение в денежном эквиваленте (например, выплачивается в виде компенсации или скидки). «Привилегия» как некое исключительное право узкого круга лиц, часто достигаемое в обход закона, не имела конкретного денежного выражения, и о ее наличии было известно лишь немногим. – См.: *Словарь русского языка*. М., 1958. Т. 2. С. 279; *Словарь современного русского языка*. М.; Л., 1961. Т. 11. С. 378.

² ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 283. Л. 110; Оп. 6. Д. 28. Л. 114–116.

³ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 35. Л. 132.

⁴ Там же. Д. 5411. Л. 69.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 129. Д. 56. Л. 71–86.

секторами и инструкторы обкомов и облисполкомов, заведующие и заместители заведующих отделами горкомов, горрайкомов, горисполкомов и горрайисполкомов, третью – инструкторы и лекторы горкомов, горрайкомов, заведующие секторами горкомов, горрайкомов, горисполкомов и горрайисполкомов.

Официально преимущество в продовольственном снабжении отдавалось рабочим. Так, рабочим первой категории полагалось ежедневно 800 г хлеба, второй – 600 г, служащим – 500–400 г соответственно. Вместе с тем, нормы на другие продовольственные товары резко дифференцировались, здесь снабжение номенклатуры было заметно лучше. Так, рабочим и ИТР в ведущих отраслях народного хозяйства полагалось в месяц 2,2–1,8 кг мясных и рыбных продуктов, 0,6–0,4 кг жиров соответственно [7, с. 110]. Для номенклатурных работников второй категории дополнительно к продовольственной карточке устанавливались следующие месячные нормы: мясорыбных продуктов – 5,5 кг, сахара и кондитерских изделий – 1,4 кг, жиров – 0,8 кг, считая обед по литере «Б» и сухой паек. Номенклатурные работники, снабжавшиеся по третьей категории, получали в месяц в виде дополнительного снабжения: мясорыбных продуктов – 1,8 кг, круп и макарон – 1,2 кг, сахара и кондитерских изделий – 0,4 кг, жиров – 0,3 кг. Продовольственное снабжение работников сельских районов осуществлялось на основе приказа НКТорг и Центросоюза СССР от 9 февраля 1943 г., устанавливавшего отпуск продуктов в виде сухого пайка и питание в столовых райпартактива в пределах норм рабочей продовольственной карточки⁶.

В нормированном снабжении работников, отнесенных ко второй и третьей категориям снабжения, имелись частые перебои. В этом случае широко практиковалась выдача заменителей (вместо мяса – яичный порошок, вместо жиров – мука и т. д.). Снабжение районных работников партийного и советского аппаратов зависело от наличия ресурсов, поступавших из местных источников и централизованных фондов, поэтому носило нерегулярный характер. Передки были случаи, когда карточки на сухой паек не отоваривались несколько месяцев.

Наряду с официально установленными нормами продовольственного снабжения региональные власти практиковали выдачу так называемого праздничного пайка. Так, в связи с празднованием 28-й годовщины Октябрьской революции и в честь самого праздника распоряжением Новосибирского облисполкома № 277 от 31 октября 1945 г. облторготдел за счет 10%-ных отчислений от гарнцевого сбора выделил 85 работникам (секретари горкомов и райкомов партии, председатели горрайисполкомов) 170 кг сливочного масла, сыра и рыбы, 136 кг муки, 85 кг икры. Кроме того, им полагалось «довыдать» 170 кг сахара и 85 кг конфет, не выданных в июле – сентябре⁷.

В условиях товарного дефицита военных и первых послевоенных лет в стране процветал стихийный теневой рынок, в противовес которому государство стало развивать коммерческую торговлю. Первые

коммерческие магазины открылись в 1944 г. и просуществовали вплоть до отмены карточной системы в декабре 1947 г. В магазинах коммерческой торговли без ограничений торговали разнообразными продовольственными и промышленными товарами, но из-за высоких цен, нередко превосходивших стоимость товаров на неорганизованных рынках, коммерческие магазины и рестораны были недоступны для большей части населения. Например, за 1945 г. удельный вес коммерческих магазинов в розничной торговле страны составил всего 9,6 % [7, с. 113]. Но если на жизненный уровень широких народных масс коммерческая торговля не оказывала существенного влияния, то для определенной части номенклатуры спецмагазины протомоварного и продовольственного обеспечения имели важное значение.

Перед войной закрытой торговлей был охвачен только самый верхний слой региональной номенклатуры. Вынужденный переход с началом войны к нормированному снабжению создал для руководящих работников всех уровней чрезвычайно выгодные условия в сфере товарного снабжения, а лимитные книжки в послевоенные годы становятся важнейшей их привилегией. По лимитным книжкам номенклатурные работники могли приобрести необходимые товары на лимитированную сумму (лимит зависел от номенклатурного ранга ее владельца). Так, обладатели книжек первой группы могли получить товаров на сумму 1000 руб. в полугодие, второй – на 750 руб.⁸ Только в Новосибирской обл. с июля по сентябрь 1945 г. для реализации по лимитным книжкам было направлено промышленных товаров на 614,7 тыс. руб., из них шерстяных тканей – на 570 тыс., шелковых – на 20 тыс., швейных ниток – на 20 тыс., кожаной обуви – на 70 тыс., резиновой обуви – на 11,1 тыс. руб.⁹

Значительный контингент номенклатурных работников, как правило, местного уровня, снабжался протомоварами в малом количестве либо совсем не снабжался ими. Так, инструкторы обкомов, горкомов, городских райкомов партии не имели лимитных протомоварных книжек. Несмотря на то, что секретари сельских райкомов постановлением СНК СССР от 12 июля 1943 г. были отнесены к номенклатуре руководящих областных контингентов, по распоряжению Министерства торговли СССР они снабжались по линии сельской сети протомоварного снабжения. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 12 июня 1945 г. сельские районные работники снабжались в следующих размерах: для 3–4 чел. на район по 1000 руб. в полугодие и для 30–50 чел. на район по 750 руб., считая партийных, советских, хозяйственных и комсомольских работников. Для инструкторов и пропагандистов сельских райкомов партии протомоварное снабжение не было установлено. Более того, отпуск протомоваров районным работникам осуществлялся в сельских ценах, которые в 2,5–3 раза превышали городские, что делало их приобретение для них непосильным¹⁰.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 129. Д. 72. Л. 4–5.

⁹ ГАНО. Ф. П.-4. Оп. 9. Д. 5. Л. 219.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 129. Д. 72. Л. 4–5.

⁶ Там же.

⁷ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 309. Л. 141.

Несмотря на то, что снабжение промтоварами распространялось на ограниченный круг номенклатуры, выделяемых ресурсов было недостаточно, поэтому первые секретари обкомов по вопросам обеспечения часто обращались в УД ЦК ВКП(б) или непосредственно к наркомам отраслей, занятых в сфере производства товаров народного потребления. 13 января 1946 г. новосибирский лидер М.В. Кулагин обратился к наркому легкой промышленности СССР С.Г. Лукину с просьбой о выделении для партийно-советского актива Новосибирска 200 кожаных пальто, швейных изделий на 200 тыс. руб., трикотажных изделий на 100 тыс. и модельной обуви на 500 тыс. руб.¹¹

Вместе с тем материальные возможности некоторых групп руководителей определялись не только той или иной ступенью вертикальной иерархии, но и профессиональной близостью к непосредственным каналам распределения или к производству продуктов и товаров. А ближе всего к этому «животворному источнику» находились категории работников, отнесенные к третьей группе номенклатурного списка. Поэтому никого не должны вводить в заблуждение невысокие официальные нормы снабжения данной категории управленческих кадров. Анализ архивных материалов показывает, что «теневое» перераспределение товаров в сфере обеспечения номенклатуры было широко распространено, а в селах и деревнях руководящие работники довольно часто практиковали самоснабжение, устраивая многочисленные поборы в колхозах. Так, 23 августа 1946 г. на имя первого секретаря Алтайского крайкома Н.И. Беяева была адресована справка от заведующего оргинструкторского отдела крайкома Б.М. Лещинера «О преступных действиях руководителей Солтоновского района». В ней указывалось, что секретари Солтоновского райкома Стамбовский, Ермолаев и председатель райисполкома Руденко систематически осуществляли поборы в колхозах и артелях для самоснабжения. Так, в ноябре 1945 г. Ермолаев взял без оплаты в одном из колхозов два барана для проведения вечернего банкета для сотрудников райкома. Импортные товары для инвалидов Отечественной войны, поступившие в мае 1946 г. в район, незаконно раздавались сотрудниками райкома и райисполкома и т.д.¹²

С отменой в декабре 1947 г. карточной системы произошли существенные изменения в материальном обеспечении номенклатуры. Так, с 1 января 1948 г. постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) устанавливались новые должностные оклады для руководящих работников районных, городских партийных и советских органов власти, которые были выше предыдущих на 13–50 %. Теперь оклады первых секретарей райкомов, председателей райисполкомов составляли 1700–1400 руб., заведующих отделами райкомов, райисполкомов – 1500–1200 руб.¹³ Однако такое повышение окладов скорее было нацелено на поддержание приемлемого уровня обеспечения работников город-

ского и районного уровня, поскольку в дальнейшем наметился существенный разрыв в уровне материального обеспечения между местной и региональной номенклатурой.

Катализатором процесса материального расслоения номенклатуры стало распоряжение СМ СССР и ЦК ВКП(б) за № 1150 от 23 декабря 1947 г., согласно которому к официальному окладу руководящих партийных и советских работников дополнительно вводились «временные денежные довольствия», отменявшие при этом ранее существовавшие льготы для номенклатуры¹⁴. Категория работников, получавшая временное денежное довольствие, лишалась некоторых льгот (выплат дотации в размере 105 руб. в месяц, оплаты из бюджетных средств жилплощади и аренды дач, пребывания в домах отдыха, услуг парикмахерских, выдачи средств на питание, покупку папирос и т.д.). Направляемые на отдых работники также продолжали получать путевки за 20 % от их стоимости, но отныне полностью оплачивали проезд в оба конца за свой счет.

Распределялись «довольствия» в зависимости от должности в номенклатурной иерархии. При этом мерой измерения денежного довольствия стал размер получаемого оклада – в среднем оно составляло 2–3 месячных оклада¹⁵. Выплата денежного довольствия прекращалась на уровне заведующих секторами обкома и облисполкома. Среди номенклатуры городского и районного уровней эта существенная привилегия распространялась на только особо оговоренные должности, а также на первых и вторых секретарей горкомов областных, краевых и республиканских центров. Причем самые большие денежные довольствия получали руководящие работники партийного аппарата. Так, размер денежного довольствия первого секретаря Новосибирского обкома партии составлял 8000 руб., или 3 месячных оклада. Точно такие же оклады имелись только у председателя облисполкома и представителя Совета по делам колхозов при правительстве СССР по Новосибирской области. К «обкомовской братии» также приравнивались секретари Новосибирского обкома, директор Новосибирской партшколы, редактор газеты «Советская Сибирь». Оклады этих работников были равны минимальным (по списку) окладам работников Новосибирского облисполкома, за исключением оклада редактора газеты «Советская Сибирь», равнявшегося окладу заместителя председателя облисполкома (1600 руб.)¹⁶.

Функционирование системы довольствий – один из наиболее ярких примеров номенклатурных привилегий. Принятое в атмосфере секретности решение о введении доплат к окладам партийно-советских работников строго охранялось на протяжении всего периода их существования. В целом в сравнении с населением страны, испытывавшим на себе все тяготы послевоенной мобилизационной экономики, материальное положение номенклатуры было заметно лучше. На характер распределительных отношений советского

¹¹ ГАНО. Ф. П.-4. Оп. 10. Д. 2. Л. 6.

¹² ЦХАФАК. Ф. П.-1. Оп. 30. Д. 112. Л. 1, 3–5.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1068. Л. 10–11.

¹⁴ Там же. Оп. 129. Д. 72. Л. 45.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 63. Л. 66.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 6. Д. 28. Л. 114–116.

общества оказывали влияние различные факторы, но, прежде всего, сложившаяся политическая система и специфика экономических отношений. В связи с этим определяющей чертой материально-бытового обеспечения номенклатуры стала четкая привязка количества и качества благ и привилегий в зависимости от уровня занимаемой должности, которые пропорционально возрастали по мере продвижения работника по карьерной лестнице. Послевоенное реформирование системы льгот и привилегий номенклатуры было направлено на повышение социального престижа должностей в партийно-государственном аппарате. Улучшая материально-бытовые условия верхушки региональной власти, политическая элита страны руководствовалась принципом «разделяй и властвуй», т.е. одновременно усиливала свой контроль над ней и заручалась ее лояльностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. М., 1995.
2. Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.
3. Осокина Е.А. За фасадом сталинского «изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации (1929–1941). М., 1998.
4. Пашин В.П., Свириденко Ю.П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора. М., 1998.
5. Коновалов А.Б. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса (1943–1964 гг.).
6. Калинина О.Н. Номенклатура Западной Сибири в 1946–1964 гг. Новосибирск, 2008.
7. Бужин С.С. Государственные социальные акции послевоенной эпохи в сибирском измерении // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск, 2010. Вып. 2.